

Посвящается Плам

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	11
Предисловие	14
1. «И вскоре я забыл отца»	17
2. «Вот я и злобствовал»	25
3. «Чем промышляла моя банда?»	34
4. «Выходит, я гений»	40
5. «Никто не дрался...»	48
6. «Я как магнит тянул к себе проблемы»	57
7. «Вот это-то в прошлом и печально»	65
8. «Пол выглядел лет на десять!»	73
9. «Коп подошел к двери»	81
10. «А внутри тлела тайная злоба»	84
11. «Я дышать не мог без нее»	90
12. «Да я ему жизнь сломал!»	97
13. «Кореш с барабанами»	106
14. «Вырос я в Гамбурге»	110
15. «Какой быть женщине?»	116
16. «А оно мне надо?»	121
17. «Сейчас их назвали бы “группи”»	128
18. «Не хотелось мне в двадцать один»	133
19. «До него мы лишь мечтали»	137
20. «Я к Брайану был ближе всех»	143

21. «Я восхищался Стю»	150
22. «Син беременна»	155
23. «Иди, убалтывай»	163
24. «Мы пели двенадцать часов»	172
25. «Да, мы задумали отпуск»	180
26. «Я Джон, на гитаре бренчу»	186
27. «Это не шоу-бизнес»	195
28. «Мы просто проходим сквозь это»	200
29. «A Hard Day's Night»	205
30. «Образ звезды рок-н-ролла»	213
31. «Мы были как короли джунглей»	219
32. «Когда вы подключаете инструменты...»	231
33. «Я — человек ниоткуда»	238
34. «Мы популярней Иисуса»	244
35. «Как будто мы четверо уродцев»	250
36. «Нам грозили расправой»	256
37. «Понарошечный гвоздь»	260
38. «Strawberry Fields Forever»	267
39. «Мик Джаггер носит гульфик»	274
40. «Я понял: мы в беде»	281
41. «Что значит “Я человек-яйцо”?»	286
42. «Годам к сорока ему летать на ковре-самолете»	295
43. «По ходу, я Христос»	303
44. «Кто-то такой же чокнутый»	307
45. «Расчехляй барабаны»	312
46. «Считай, что сорвала джек-пот»	318
47. «Свой “болт” на пластинке»	326
48. «Надеюсь, мы прошли прослушивание»	332
49. «Это Йоко меня изменила»	338
50. «Я ухожу из <i>Beatles</i> »	347
51. «Костыль для прокаженных мира»	355
52. «Бесплатный — значит бесплатный!»	362
53. «Я мог бы в клоуны податься»	370
54. «Мой радикализм — фальшивка»	377
55. «“Imagine” — против религии»	383

56. «Я и Нью-Йорк — в едином ритме»	390
57. «Не трахай мои уши»	400
58. «Исполним-ка песню моего старого женишка по имени Пол...»	408
59. «А если мы опять будем писать вместе?»	415
60. «Со всеми чудищами бился»	419
61. «Мне дали второй шанс»	423
62. «Желание творить»	431
63. «Просто играл на гитаре и пел»	439
64. «Не верю я в мертвых героев»	446
Послесловие	449
Что стало с ними после смерти Джона	453
Благодарности	457
Библиография	458
Примечания	461

ОТ АВТОРА

Вечером 8 декабря 1980 года, в понедельник, мне в Лондон позвонила Йоко Оно. «А что это вы не в Нью-Йорке? — спросила она. — К нам на выходных из BBC наведались. Думали, и вы на огонек зайдете». Я как-то растерялся. Да и что мне было ей отвечать? И нескольких недель не прошло с тех пор, как я сам предлагал им с Джоном дать совместное интервью... ладно, сознаюсь, мне хватило бы и Джона, — так она же сама и отказалась: мол, время не то. В чем там было дело — кто знал? Йоко с головой ушла в нумерологию — числа у нее там, что ли, не сошлись? А может, была и другая причина. Но, видимо, сейчас, когда в магазинах появился «Double Fantasy» — первый альбом Джона Леннона за пять лет, — время явно было *самое то*, и Йоко настоятельно требовала, чтобы я немедленно вылетал в Нью-Йорк. «И чем скорее, тем лучше!» — торопила она.

Я позвонил своему редактору в газете Sunday Times, в которую в те дни иногда писал, — они забронировали для меня билет на завтрашний утренний авиарейс в Нью-Йорк. В ту ночь из моего проигрывателя звучал «Double Fantasy», я снова и снова перечитывал тексты песен, и моя душа пела от предвкушения. Я знал Джона с 1967 года, со времен своих первых репортажей о *Beatles*, в те дни снимавших на западе Англии фильм «Magical Mystery Tour». Позже меня допустили в близкий круг, я своими глазами видел, как Джон работает в лондонских студиях на Эбби-роуд; я бывал вместе с ним в лондонском офисе Apple; мы не раз беседовали у него дома —

в Беркшире, в Титтенхёрст-парке; я был рядом с ним в Канаде, в Нью-Йорке...

В Канаде, в 1969 году, незадолго до Рождества, он подарил мне, возможно, самую невероятную сенсацию в моей карьере журналиста, когда сказал, что ушел из *Beatles*, — но только добавил: «Сейчас не пиши. Я скажу, когда будет можно». И я не написал.

Спустя четыре месяца, когда все газеты мира наперебой кричали: «ПОЛ МАККАРТНИ ПОКИДАЕТ *BEATLES!*» — я позвонил ему, и он дико бесился.

— Я же сказал тебе! Тогда, в Канаде! Почему ты молчал? Почему ничего не написал? — накинулся он на меня.

— Но... ты же сам просил, — опешил я.

— Коннолли, ну ты же журналист! — прокричал он в трубку.

Да, он был зол. Он видел в *Beatles* свое творение — с тех далеких времен, когда они только возникли, когда их и звали-то совершенно иначе, *The Quarry Men*, — а значит, ему их и рушить. Ему — и никому другому. Впрочем... их и правда разрушил именно он.

Временами Джона просто нельзя было ни в чем убедить. Да, вот таким он и был — изменчивым, как ливерпульская погода.

«И каким он будет завтра, в Нью-Йорке, когда мы увидимся?» — думал я той ночью в 1980 году, укладывая в сумку кассетник Sony. Последнее письмо от него пришло четыре года назад. Больше мы не общались. Я писал романы и телефильмы, он укрылся от внимания широкой публики — потом он скажет, что решил заниматься хозяйством и воспитывать Шона, своего второго сына. Я уже прочел его недавние интервью в *Newsweek* и *Playboy* — те, где он рассказывал, как рад хлопотать по дому, — но я просто не мог представить, как он возится с малышом или печет хлеб, о чем наперебой сообщали журналы. Нет, может, он пару раз и извалял руки в муке, — но чем еще он занимался последние пять лет? Я надеялся, что скоро узнаю.

Перед тем как лечь спать, около полуночи по лондонскому времени, я позвонил Леннонам на Манхэттен, в «Дакоту», — хотел сказать Джону, когда точно прибуду в Нью-Йорк. Трубку взял ассистент, ответил, что они оба отправились в студию — замиксовать одну из песен Йоко, — а ему велели передать вот что: Джон с нетерпением меня ждет, а потому, как приеду, милости просим сразу в апартаменты.

Я проснулся в 4:30 утра: разрывался телефон на прикроватной тумбочке. Зараза, кому там не спится в такую темень? А может, уже едет мое такси, и пора собираться в аэропорт? Но нет. То был журналист из Daily Mail.

— Простите, что разбудил вас, — сказал он. — Но из нашего филиала в Нью-Йорке пришло сообщение, что в Джона Леннона стреляли.

Что? На пару секунд я словно отключился. Ему пришлось повторить.

— Он ранен? — спросил я, собравшись с мыслями. — Тяжело? Этого человек из Daily Mail не знал.

Эра круглосуточных новостей еще не наступила, так что я встал, спустился вниз и настроил радио на кухне на BBC World Service.

Я боялся услышать эти слова. Но я их услышал. В пять утра они стали лейтмотивом новостей. Джон Леннон был мертв. Убит у собственного дома в Нью-Йорке, на углу Централ-парк-Вест и 72-й улицы, когда он вместе со своей женой Йоко Оно возвращался домой из студии звукозаписи.

Ему было сорок.

За десять лет до этого Джон сказал: вот жизнь, крутишься как белка, сбавить бы темп, а то как бы в ящик не сыграть, когда стукнет сорок... Помню, при мысли, что придет день и нам будет сорок, мы оба улыбнулись — это же так много! — и он спросил меня:

— Ты еще мой некролог не написал?

— Да нет, — ответил я удивленно.

— Вот бы прочитать, когда напишешь, — усмехнулся он.

Тем утром, 9 декабря 1980 года, я отменил билет на рейс в Нью-Йорк. Мне предстояло иное. Некролог.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джон Леннон не умещался ни в какие рамки. Он менял образы как перчатки и не мог надолго застыть ни в одном. Он был лабиринтом противоречий. Он рвался петь, но настолько не любил свой голос, что не раз намеренно исказил его на записи; он, ревнитель классического рок-н-ролла, со временем причислил себя к авангардным художникам; прирожденный лидер, порой он будет так покорно идти на поводу.

К концу дней он стал богемным миллионером, но по-прежнему любил романтично представлять себя героем рабочего класса, — хотя его растили в просторном доме, в уюте и комфорте, в славном зеленом ливерпульском пригороде, и от пролетария в нем не было ровным счетом ничего. Он выступал на сцене и писал — никакой другой работы ему не пришлось выполнять ни разу в жизни.

Но именно в отношении к *Beatles* он в полной мере проявил свои противоречия — и, возможно, свою дальновидность. Он создал группу, помог ей стать самым популярным музыкальным и культурным явлением XX века, а потом с небрежной и беспечной радостью превратился в иконоборца и уничтожил свою икону, разбив сотни миллионов сердец.

Фанаты десятилетиями будут спорить о том, что заставило *Beatles* расстаться, но, если смотреть в ретроспективе, лучшего с ними и случиться не могло. Джон уничтожил их на вершине славы — или, может, за шаг до вершины, — и тем, пусть и сам того не понимая, сохранил их, заморозил во времени, еще до того, как люди охладели бы к их музыке, — а это неизбежно случилось бы, останься они вместе.

Когда они распались, я был потрясен наравне со всеми — но, возможно, именно мне и не стоило бы. Ведь Джон уже изобретал себе новые образы, меняя маски одну за другой. Книжный мальчик, которому для счастья достаточно было сидеть в своей спальне, малевать комиксы и перечитывать «Алису в Стране чудес», за порогом дома, в компании школьных друзей, обратится в вора, хулигана и дьяволенка. Язвительный студент художественного колледжа, сходявший с ума от рок-н-ролла, затем — паяц и самый остроумный из битлов, изменится до неузнаваемости в конце шестидесятых, приняв облик гуру от психоделики; а следом за тем, в 1971-м, на смену гуру явится иной Джон Леннон — ярый ревнитель феминизма, задумавший устроить свой пацифистский крестовый поход. Но и в семидесятых перемены не завершатся: его «потерянный уик-энд» — полтора года редких, но метких пьяных дебошей, в которых он, рождая шлейф печальной славы, будет совершенно слетать с катушек, окончатся практически в одну ночь, и он, новоиспеченный отец второго сына, превратится в затворника и скроется в своих нью-йоркских апартаментах.

Джон Леннон был всеми этими людьми — и еще многими другими. Но прежде всего он был прекрасным музыкантом, чутким поэтом и пронизательным мастером чеканных формулировок, которые легко превращались в лозунги и афоризмы. Он слышал голоса своего времени задолго до того, как те зазвучали в полную силу, и был среди тех, кому удалось уловить в песнях дух эпохи.

Он был склонен к преувеличениям и эксцентричным выходкам, мог проявить жестокость и солгать, мог посмеяться над собой, временами впадал в неразумную ярость и часто поступал нетерпеливо и опрометчиво. Если он видел, что может учинить какую-нибудь шалость, то никогда не упускал этой возможности, — но он умел веселиться и всегда был творцом. Родись он на пару десятилетий позже, и мог бы легко заработать себе на жизнь, выступая как стендап-комик. «Я отчасти хотел бы стать комедиантом, — сказал он однажды. — Да не хватает смелости взять и рискнуть».

Он не всегда был белым и пушистым, он мог действовать сгоряча, и жить с ним было непросто, с чем соглашались и его первая жена Синтия, и его вторая жена Йоко Оно, и его любовница Мэй Пэнг. Но он обладал прекрасными манерами, и сколь бы ни был он ревнив, в столь же великой мере он был благороден, а еще — он никогда не

лез за словом в карман. И казалось, в нем просто нет ничего постоянного, разве только во всем, что он делал, всегда таилось некое беспокойство, желание заняться чем-то иным, а возможно, и стать совершенно другим, только бы не оставаться собою прежним.

До *Beatles* прославленные артисты — за редчайшими исключениями, — были неизменно почтительны со своими импресарио, дипломатичны в разговорах с репортерами и подчеркнуто вежливы в теле- и радиоинтервью. Многие из них немало пеклись о том, чтобы никто не усомнился в чистоте их политических взглядов. Но только не Леннон. Он рубил сплеча и говорил все, что думал, — даже когда не обладал всей полнотой информации и когда промолчать было проще и, вероятно, мудрей. Он нарушал границы везде и всюду, и не всегда со злобой, — уж точно не в начале шестидесятых, когда его дерзким и колким нападкам сопутствовали неизменная улыбка и шуточный тон. Но даже когда он, возможно, никому не стремился нагрубить сознательно, его реплики, брошенные с язвительной усмешкой, нередко заставляли собеседников смущенно умолкнуть. Ему было присуще какое-то высокомерие — именно оно, похоже, безумно бесило старших и вызывало у них массу подозрений, зато со сверстниками Леннон явно был на одной волне.

Но почему он был таким? Откуда взялись эта дерзость и высокомерие? Когда и как возникла необходимость непрестанно менять свой облик? Что сделало Джона Леннона тем, кем он был? Да, скорее всего, именно родительский разрыв придал облик ранним годам его детства. Но равно так же в его душе, как и в душах каждого из нас, сплетались самые разные нити, и их узор в немалой степени определялся местом и временем его появления на свет. Время выпало на годы Второй мировой войны, а местом стал Ливерпуль — нефешенебельный порт на северо-западе Англии.

1

*«И вскоре я забыл отца. Как если бы
он умер»*

Скажи кто Джону, что его зачали одним январским вечером 1940 года на кухонном полу в доме ленточной застройки неподалеку от Пеннилейн спустя пару часов после того, как корабль с его будущим отцом пришвартовался в порту Ливерпуля, — сдается мне, ему бы эта история пришлась по нраву. Да, именно таким было начало жизни Джона, если верить мемуарам его отца — Фредди Леннона. Впрочем, Фредди был мастер приукрасить, а то и врал на голубом глазу. Джон, конечно, был ребенком военных лет, но прямо вот так, с точностью до минуты... Откуда он мог это знать? За те недели, пока корабль останется в доке, он будет гостить у супруги еще не раз, о чем, кстати, не обмолвится и словечком. Но если честно, столь занятная история рождения вполне подходила человеку, которому предстояло стать одним из величайших кумиров XX столетия, — и Фредди (временами Альфред и, по словам Джона, «подлый Альф», но чаще все-таки просто Фредди) пустил хорошую байку. Сын его в свое время тоже расскажет немало таких. Да и не столь важно, правдива сказка или нет: она всего лишь призвана показать нам, какими тогда были дни упомянутой пары.

В 1929 году, когда Фредди Леннон познакомился с Джулией Стэнли, ему было шестнадцать и он всего несколько недель как окончил ливерпульскую благотворительную школу-интернат для детей бедняков. Его пристроили туда в семь лет после смерти отца как неполного сироту — мать не могла обеспечить ребенка. Теперь он нашел работу и вернулся домой.

Джулия тоже только окончила школу. Ей было пятнадцать.

Ростом Фредди был невелик: в детстве он переболел рахитом, не дотягивал даже до метра шестидесяти, и в своем «котелке», который купил не без умысла — щеголять, как все тогдашние подростки, по просторам роскошного викторианского Сефтон-парка, — он выглядел нелепо и смешно. Во всяком случае, так ему сказала Джулия, когда Фредди попытался ее подцепить. Но ему все было как с гуся вода. И милой девушке он приглянулся, а еще сильнее ее позабавило то, что он легко и беззаботно — «ай, провались оно все!» — швырнул свою шляпу прямо в озеро. В тот день начался их роман длиной в девять лет, сплетенный из разлук и воссоединений.

В Ливерпуле, где враждовали кланы католиков и протестантов, а иерархия общества не больно-то отличалась от средневековой, Фредди, по мнению семьи Стэнли, не только «неправильно» веровал — еще бы, номинальный католик, как и вся его родня, — но и на социальной лестнице стоял на несколько ступеней ниже Джулии. Его отец, Джек Леннон, родился в Дублине и одно время преуспевал в Америке, распевая песни с труппой *The Kentucky Minstrels* — белыми, чернившими лица «под негров» (тогда это было модно, вспомните хотя бы Эла Джолсона). Но в те дни, когда родился Фредди — а вообще детей у него было шестеро, — Джек уже вернулся в Ливерпуль и устроился на склад скромным клерком. По слухам, мать Фредди не умела читать — хотя что там, 1912 год, обычное дело.

Старшая из пяти дочерей семьи Стэнли, Мэри, в глазах своего племянника Джона навсегда останется «тетушкой Мими». Кстати, если уж говорить о возрасте, то темно-рыжая Джулия была почти самой младшей — второй с конца, — но выросла очень своенравной и так обожала кино, что на время даже нанялась билетершей. Остальные ее родственники мнили себя «аристократами пролетариата». Даром, что ли, их отец, положивший столько лет на судоходство — как и Джек Леннон, да и другие мужчины во многих ливерпульских семьях, — после карьеры моряка стал страховщиком? А более того, Мими, старшая дочь, решительно стремилась в средний класс и, равно как и ее отец, была всегда настроена против Фредди Леннона. «Знали мы, что проку от него никому не будет, — скажет она позже. — И уж подавно Джулии».

Впрочем, все девять лет, пока три сестры — Элизабет, Энн и Харриет — выходили замуж и покидали свой маленький домик —

Уэйвертри, Ньюкасл-роуд, 9, ленточная застройка, фасад с эркером, — Джулия выдерживала и косые взгляды родителей и Мими, и всю критику, которая обрушивалась на нее при каждом упоминании о Фредди. Что-то она, наверное, видела в этом «он-тебе-непарне», обожавшем губную гармошку и кабацкий ор. Впрочем, вместе им доводилось побыть не столь уж часто. И со дня их встречи не прошло и года, как он ушел с работы и отправился в море юнгой на одном из лайнеров компании Cunard, в те дни отплывавших из Ливерпуля.

У Фредди, как и в будущем у его сына, проявилась немалая склонность к литературному творчеству — он начал писать Джулии длинные письма и рассказывать обо всех местах, которые посетил. Но она никогда не писала ничего в ответ — и даже, по его словам, не пришла в доки встретить корабль, когда он вернулся домой. По словам Фредди (а больше у нас ничего нет), он влюбился намного сильнее, чем она. И в 1938 году, когда он был в Ливерпуле, пережидая рейсы, и Джулия, шутки ради, предложила пожениться, он все устроил на следующий же день. Тайно от семей двое встретились у регистрационного бюро на Маунт-Плезант 3 декабря 1938 года и, пригласив в свидетели пару друзей, стали мужем и женой. Медовый месяц они отпраздновали в кинотеатре «Форум», посмотрев фильм с Микки Руни о сиротском приюте, а вечером разошлись по домам — сообщать родным радостную весть. На следующий день Фредди ушел в море на три месяца, и, как он впоследствии расскажет, первой брачной ночи у них тогда так и не случилось.

Следующий год Джулия провела в доме родителей, куда Фредди навещался во время редких возвращений в Ливерпуль. Там ее и застал октябрь 1940 года: Фредди снова в море, Британия в войне, самолеты люфтваффе, что ни ночь, бомбят город, а у нее — роды. Ребенок явился на свет 9 октября, в ливерпульском роддоме, в часы затишья. Его назвали Джон Уинстон Леннон. «Уинстон» — в честь Черчилля, премьер-министра военных лет. Джулия так пошутила, а сам Джон никогда не полюбит свое второе имя и в конечном итоге его отвергнет.

Ох и в нестабильном же мире он решил появиться... Ничто так не рушит семью, как война, — и нормальной семьей Фредди, Джулия и их маленький сын так никогда и не стали. Записи в судовом жур-

нале гласят, что с августа 1940 года по январь 1944-го Фредди Леннон провел в Ливерпуле всего три месяца.

Нет, его могли бы отпустить и на подольше... если бы только он не подался в самоволку в Соединенных Штатах; если бы в Нью-Йорке, на острове Эллис, не попал под арест за дезертирство; и если бы, отправившись по освобождению обратно через Атлантику, не просидел три месяца в алжирской тюрьме за кражу бутылки виски. Видимо, Фредди сумел как-то объясниться, когда наконец вернулся домой, но его величайшим преступлением, скорее всего, была его несусветная глупость. Ну и алкоголь подсобил, конечно: по пьяни чего только не натворишь.

Джулия знать не знала, где носит мужа. О том, что он пропал, ей сообщили в местном представительстве торгового флота, удержав часть его жалованья, которую она прежде получала на себя и ребенка. Она вполне могла решить, что он погиб: торговый флот, где служил Фредди, потерял во время войны больше четверти моряков. Эта профессия стала опасной.

Их браку мешала не только война. И Фредди, и Джулия любили компании, не имели особых амбиций и хотели просто наслаждаться жизнью и развлекаться. Фредди любил напиваться и горланить в пабах. Джулия, пока муж был в отлучке, бегала на танцы. «Она ни к чему в жизни не относилась серьезно», — будет вздыхать Мими, которая относилась серьезно ко всему на свете. И когда Фредди наконец вернулся домой, а Джулия все еще не нагулялась, вряд ли стоило удивляться тому, что их отношения рассыпались на глазах.

Джон, живший с Джулией у ее родителей, был слишком маленьким и ничего этого не понимал. Он знал только одно: он в безопасности, с мамой, бабушкой и дедушкой, и они его любят. Он навсегда запомнил свой первый дом на Ньюкасл-роуд, из красного кирпича, с гостиной, где никто никогда не собирался — так повелось в те дни — и где всегда были задернуты шторы.

Тетушка Мими тоже вышла замуж, но детей у нее не было. Со своим мужем, Джорджем Смитом, она жила всего в двух километрах от Джона и Джулии, в Вултоне в южной части Ливерпуля, и постоянно навещала их. С самых ранних дней Мими заботилась о ребенке сама, ибо отчаялась наставить младшую сестру на путь истинный. Впрочем, развлекала Джона именно Джулия — и была она, по его воспо-

минаниям, «комедиантка и певица... нет, не профи, конечно — так, наряжалась да мелькала по кабакам...».

Миновало четыре года. Вокруг Джона полыхала война, но он, защищенный от нее взрослыми, вряд ли об этом знал. Сирены воздушной тревоги, продукты по карточкам, нехватка еды, пылающий город, черные обгорелые скелеты разбомбленных домов, ямы воронок, босоногие оборванцы, играющие среди руин, — такого мира он не ведал. И ему никогда не расскажут, что в 1943 году его отец, словно проникшись духом военного времени — «живи сегодня, завтра может никогда не наступить!» — вдруг ни с того ни с сего написал Джулии: «Пока я далеко... гуляй, бери от жизни все!»

Джулия и так брала от жизни все, как и многие другие девушки и жены, чьи парни и мужья ушли воевать за рубеж. Вот только вышла незадача: когда муж через полтора года вернулся домой, она была беременна.

Сперва Джулия сказала, что ее изнасиловал солдат по имени Тэффи Уильямс, и Фредди, взяв с собой младшего брата Чарли — тот тоже вернулся домой в увольнение, — отправился поквитаться с насильником на военный полигон в Чешир. Оба потом вспоминали: они даже близко не подозревали, чем все обернется.

Уильямс поведал им совершенно другую историю, о чем тактично упомянет Чарли, когда напишет мне сорок лет спустя. Солдат сказал, что никакого изнасилования и в помине не было, что он влюблен и готов жениться на Джулии, если Фредди с ней разведется. Только Джулия не хотела Тэффи. Она уже и Фредди не хотела. В марте следующего года у нее родилась девочка, и ту удочерили норвежский моряк и его жена.

Брак Леннонов, по сути, кончился на полтора года раньше. А потом Джона будет несколько месяцев швырять, как маркитантскую лодку, от Джулии к Мими и Джорджу, а временами — к Сидни, старшему брату Фредди, и его жене.

В 1946 году Джулия встретила того, с кем ей предстояло провести всю оставшуюся жизнь. Его звали Джон Дайкинс, для всех просто Бобби, и в те дни он был коммивояжером — ходил по домам и продавал всякую всячину. Как только Фредди вновь ушел в море, Джулия и пятилетний Джон перебрались из Ливерпуля в пригород Гэйткр и поселились с Дайкинсом в его крошечной однушке. Для респекта-

бельной Мими то была последняя капля. Она насмерть разругалась с Дайкинсом и сказала, что и представить не в силах, как малыш может спать не только в одной комнате с этой «сладкой парочкой», но и на одной с ними кровати, — а потом подала жалобу в организацию, которая ныне зовется департаментом детского благополучия Ливерпульского городского совета.

Со второй попытки она добилась своего: представитель совета провел беседу с Джулией и Дайкинсом, а маленького Джона передали на попечение Мими и ее мужа.

Наверное, Мими казалось, что хаос в детстве Джона подошел к концу. Но в этой пьесе оставалась еще одна несыгранная сцена.

Фредди, который теперь, как и многие другие, фарцевал на черном рынке нейлоновыми чулками, внезапно нарисовался в дверях — дайте, мол, сынишку, погуляем с ним денек. Мими согласилась — а Фредди тут же увез мальчика за 60 миль от Ливерпуля, на морской курорт Блэкпул. Там жил его друг Билли Холл со своими родителями, и все трое планировали эмигрировать в Новую Зеландию. «А может, и нам с Джоном туда рвануть? — думал Фредди. — Начнем все заново...»

В Ливерпуле Мими и Джулия рвали на себе волосы. Никто не знал, куда Фредди увез ребенка. Оба просто исчезли, и Фредди вполне намеренно не звонил ни жене, ни свояченице.

Джон оставался в Блэкпуле несколько недель, под опекой родителей Билли Холла, пока Фредди мотался в Саутгемптон, продолжая свои аферы на черном рынке. В конце концов Джулия все-таки узнала, где он скрывается, — учетная контора торгового флота вела запись всех доступных для работы моряков — и появилась на пороге дома Холлов, чтобы забрать Джона в Ливерпуль. С Фредди они говорили наедине. Дайкинс оставался на улице.

До сих пор спорят, сколь страшную травму причинил Джону Ленону тот разговор. Билли Холл расскажет Марку Льюисону, летописцу *Beatles*, что не было ни «повышенных тонов», ни сцен вроде «скажи, кого ты больше любишь!». Но все сводится к тому, что пятилетнему Джону предложили выбирать между родителями — и сперва он пошел к отцу, потом передумал и побежал к матери. Он был слишком мал, чтобы представить долгосрочные последствия своего решения, но, похоже, даже тогда понимал, что выбор будет

окончательным — отдав предпочтение одному родителю, он навсегда потеряет другого.

Выбор был сделан. Фредди Леннон мог только смотреть, как Джон, держась за руку мамы, идущей рядом с Дайкинсом, удаляется от него по дороге. Шел 1946 год. Он не увидит сына еще семнадцать лет. В ту ночь Фредди отправился в паб в Блэкпуле и орал «Little Pal» Эла Джолсона. По крайней мере, так он будет вспоминать потом в мемуарах.

Джулия могла забрать Джона и отвезти его обратно в Ливерпуль, но жить ему предстояло не с ней. Вскоре он вернулся к тетушке Мими, и переезды и «перетягивание каната» закончились. Все разрешилось. У Мими и Джорджа были и возможности, и желание растить мальчика в безопасности. «Каждый ребенок имеет право на спокойный и счастливый дом», — не раз повторит Мими. А общение Джона с семьей Леннон с тех пор почти сойдет на нет.

Его отца Мими прозовет не иначе как «прохвост и пропойца» — но только не тогда, когда о родителях будет спрашивать племянник. «Она сказала, родители разлюбили друг друга, — вспомнит впоследствии Джон. — Но не говорила ничего плохого ни о матери, ни об отце. По крайней мере, мне в глаза. И вскоре я забыл отца. Как если бы он умер».

Спустя сорок лет, на исходе своих дней, когда Мими жила на юге Англии, в бунгало на побережье Дорсета — этот подарок ей сделал Джон, — она якобы сказала сиделке, что боится умереть, ибо когда-то «совершила очень дурной поступок». Если она и правда так говорила — то, может, вспоминала то время, когда разлучила Джона с матерью, настояв на том, чтобы ребенка отдали ей? Так полагала Синтия, первая жена Джона. «Джулия, ты не годишься в матери!» — однажды бросила Мими. И ведь у нее самой не было детей — так может, она обрела то, чего желала с той самой минуты, как мальчик появился на свет?

А что же сам Джон? Как сказала на нем непрерывная чехарда опекунов в первые пять лет жизни? Не заставила ли неосознанно искать безопасности? Сколько раз он видел, как ссорятся Фредди и Джулия? А ведь Фредди и сам признал, что по крайней мере один раз они даже дрались! И видел ли мальчик, осознавал ли, что творили в по-

стели Джулия и Дайкинс, когда они спали все вместе? Они-то явно будут творить все, что полагается...

Безусловно, близкие любили его. Но в те беспокойные времена его маленький мир был еще более хрупким, чем у большинства детей.

«Я просто хотела защитить его от всего этого, — сказала Мими в 1967 году Хантеру Дэвису, биографу *Beatles*. — Может, слишком беспокоилась. Не знаю. Но я желала ему одного только счастья. Вот и все».

Научно-популярное издание

Коннолли Рэй

БЫТЬ ДЖОНОМ ЛЕННОМ

Ответственный редактор Д. Рыбина

Редактор Н. Лавренова

Художественный редактор Н. Данильченко

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры О. Левина, Н. Соколова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 29.04.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.

Тираж 3000 экз. В-PRS-23823-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru